

И. В. Поткина

**КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ВЛАСТЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ)**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-73-82

УДК 94(47)“1915/1917”

ББК 63.3(2)534

В статье рассматриваются малоизученные аспекты временной трудовой миграции китайцев в годы Первой мировой войны — международный и дипломатический. Источниками послужили консульские донесения за 1915–1917 гг., отложившиеся в фонде 4-го Политического (Дальневосточного) департамента МИД Российской империи, а также внутриведомственная и межведомственная переписка, связанная с проблемой набора неквалифицированной рабочей силы из Китая на отечественные предприятия. В статье показано, как менялись основные задачи российских дипломатов на разных этапах вербовки кули, а также раскрывается их роль в корректировке текущего законодательства. Постоянная антирусская агитационная кампания Германии, пытавшейся во что бы то ни стало сорвать процесс найма рабочих, стала его непременным атрибутом. На основе выборочных статистических данных определяется доля китайских трудовых иммигрантов в структуре рабочей силы страны и некоторых предприятий. В итоге автор приходит к выводу о том, что железнодорожное строительство больше других сфер нуждалось в привлечении неквалифицированной рабочей силы, задействованной на лесозаготовках и земляных работах. Экономический эффект от применения труда китайцев был незначительным как для народного хозяйства России в целом, так и для конкретных отраслей и предприятий, за исключением золотопромышленности Дальнего Востока. В результате завербованные в Китае кули только снизили остроту проблемы, не решив ее несмотря на все усилия российских дипломатов.

Ключевые слова: *Первая мировая война, консульская служба России, КВЖД, Китайское правительство, информационная кампания Германии, промышленные предприятия, железные дороги, китайская рабочая сила*

Тема трудовой миграции китайцев в Российскую империю в 1914–1917 гг. относится к числу достаточно хорошо разработанных в современной отечественной историографии. В начале XXI в. она так или иначе и с разной степенью детализации освещалась в целом ряде опубликованных трудов, а также в диссертационных исследованиях. Одним из первых за разработку взялся видный российский востоковед В. Г. Дацышен, который впервые ввел в научный оборот источники из федерального и четырех региональных архивов, а также материалы периодических изданий.¹ Особого упоминания заслуживает обобщающий труд А. Г. Ларина, в котором автор, использовавший не только документы отечественных архивов, но и ки-

тайскую периодику разных лет и современную историографию, подробно изучил процессы миграции, складывание диаспоры в Приамурье и на Дальнем Востоке на протяжении полутора столетий.² Благодаря этим исследователям было положено начало изучению истории китайских рабочих на Урале и Дальнем Востоке в XIX–XX в. Тема иностранной трудовой миграции в Восточной Сибири и Приамурье подробно рассматривалась в диссертации Р. А. Изаксон, которой предшествовал ряд статей, посвященных анализу полномочий и обязанностей государственных чиновников по дипломатической части и особенностей политики правительства по привлечению китайцев и корейцев на предприятия региона.³ Уральские историки исследовали проблемы организации труда и быта

¹ См.: Дацышен В. Г. Китайский труд на Урале в годы Первой мировой войны // Уральское востоковедение. Екатеринбург, 2007. Вып. 2. С. 49–58. (В статье с небольшими купюрами опубликовано донесение российского генконсула в Харбине В. В. Траутшольда о начальном этапе набора китайских рабочих в 1915 г.)

² См.: Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.

³ См.: Изаксон Р. А. Деятельность российских властей по преодолению кризиса с трудовыми ресурсами в годы Первой мировой войны: на примере Восточной Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2018; Она же. «Чрезвычайное законодательство» в годы Первой мировой войны и миграционная политика России на территории Восточной Сибири и русского Дальнего Востока // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 121–130.

названной категории работников на заводах, рудниках и копях богатыми ресурсами края.⁴ Совсем недавно появилась еще одно региональное исследование, посвященное уже использованию труда китайцев при строительстве Мурманской железной дороги.⁵ Первая попытка (и на данный момент единственная) показать объемы общей трудовой миграции из Китая в Европейскую Россию в 1914–1917 гг. была предпринята в статье М. В. Ходякова и Ч. Чжао, исследовавших фонд правления Общества КВЖД в РГИА.⁶ Помимо введения в сферу академической науки вновь открытых архивных материалов всех этих историков объединяет то, что они особое внимание уделили определению численности китайских кули, прибывших в Россию в годы Великой войны, что очень важно для понимания экономического значения данного явления.

Вынесенная в заголовок проблема имеет несколько взаимосвязанных аспектов: организационный, экономический, технический, гуманитарный, социальный, международный и дипломатический. В центре внимания современных отечественных исследователей находились практически все перечисленные стороны, за исключением двух последних. Привлечение консульских донесений, внутриведомственной и межведомственной переписки, отложившихся в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), позволяет рассмотреть данный вопрос во всей его полноте. Более того, документы архива раскрывают роль дипломатов в организации набора китайских кули на предприятия Российской империи — аспект, еще не получивший серьезного внимания. Что касается экономического фактора, то, на наш взгляд, он не до конца раскрыт, в смысле оценки значимости и степени влияния завербованной иностранной рабочей силы на функционирование конкретных предприятий и в целом на народное хозяйство России. Как показывают материалы АВПРИ, по отношению к Первой мировой войне речь шла о целенаправленном наборе рабочих на краткосрочной основе,⁷ а не о внешней трудовой миграции.

⁴ См.: Рукосуев Е. Ю., Шумкин Г. Н. Условия труда и быта китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1 (17). С. 7–21.

⁵ См.: Змеева О. В. Трудовые мигранты на Мурманстройке: размышления антрополога о численности китайцев // Труды Кольского научного центра РАН. Сер.: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 30–35.

⁶ См.: Ходяков М. В., Чжао Ч. Трудовая миграция в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.

⁷ 1–1,5 г. — промышленные предприятия; 6–8 мес. — с/х работы (АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 1020б.).

В течение 1915–1916 гг. проблема использования труда китайцев неоднократно находилась в центре внимания Совета министров Российской империи. Рассмотрение вопроса было инициировано 18 июля 1915 г. на заседании Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии под председательством военного министра А. А. Поливанова. Новый административный орган предложил Совмину озаботиться проблемой обеспечения рабочими руками из числа китайцев каменноугольных копей и рудников на юге России. И уже 30 июля 1915 г. принимается одно из первых постановлений на этот счет. В общей сложности в указанный период было обнародовано два закона о паспортах для въезжающих в страну иностранцев, проведено три межведомственных совещания по проблеме допуска выходцев из Азии к работам в России, утверждено в качестве нормативно-правовых актов 14 постановлений Совмина по вопросу о привлечении китайцев на отечественные предприятия. Поскольку обсуждения проходили в закрытом режиме, то после одобрения императором согласованных узаконений они не подлежали обнародованию, но в регионы рассылался циркуляр губернаторам.⁸

Если обобщить содержание принятых решений, то правительство пошло по пути упрощения процедуры въезда в страну и расширения списка отраслей и регионов, которым разрешалось использовать труд китайцев. В современной отечественной литературе, посвященной проблеме набора китайских рабочих, достаточно подробно рассмотрен процесс оформления найма китайских рабочих — от рассмотрения на межведомственных совещаниях до принятия решения на уровне Совмина.⁹

Процесс вербовки рабочих-кули на промышленные предприятия России можно условно разбить на три периода, для которых были характерны своя отличительная процедура найма и менявшаяся во времени роль МИД и его сотрудников в Маньчжурии. Первый этап — с весны 1915 г., когда контора местного

⁸ См.: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 7, 11–12, 32, 67, 81–83, 86, 96–970б., 119–120, 198, 223–224, 261–2610б., 287, 294–2960б.; Д. 1060. Л. 58–59, 1800б.–1830б.; Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1915 г. М., 2008. С. 666, 670; Там же. 1916 г. С. 27, 28, 119–121, 243, 601–602, 678, 691; Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918. М., 2013. Т. 1. С. 159; Левин С. М. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: сборник законов. Пг., 1915. Т. 2. С. 167–168, 219–220.

⁹ См.: Ходяков М. В., Чжао Ч. Указ. соч.

предпринимателя Д. Е. Дризина была «главным и единственным поставщиком рабочих» для шести предприятий Урала в соответствии с их предварительными заказами.¹⁰ С начала своей деятельности и до конца ноября 1915 г. заведение Дризина доставило до места работ, по сообщению генконсула в Харбине В. В. Траутшольда, 4 870 чел., тогда как в общей сложности контракты подписали 6 257 чел. Причины существенной убыли (на 22,1 %) уже набранного вспомогательного персонала объяснялись антивоеробочной агитацией, сманиванием китайцев на другие работы в Маньчжурии и Забайкалье, бегством и болезнями кули. Помимо фирмы Дризина в этот период работали также уполномоченный Городской управы г. Ново-Николаевска Томской губернии Безпяттов и главный лесничий Товарищества Алапаевских горных заводов К. С. Семенов. Следует отметить, что количество нанимаемой ими рабочей силы было несопоставимо с числом завербованных фирмой Дризина,¹¹ которая вела все переговоры с подрядчиками без ведома китайских властей на местах, обращаясь к ним только за паспортами. Напротив, порученцы Безпяттов и Семенов представляли заключенные договоры с контрагентами на утверждение даотаям. Следует отметить, что предприятия, заинтересованные в использовании труда китайцев, напрямую обращались за содействием к российским консулам в Северо-Восточном Китае (Харбине, Мукдене, Чифу).¹²

Отсутствие единообразия и согласованности в процедуре найма создало первые трудности в процессе вербовки, которые вначале довольно быстро и легко удавалось преодолеть благодаря сложившимся доверительным отношениям между российскими представителями и китайскими даотаями. Важно отметить, что центральное правительство в Пекине только осенью 1915 г. впервые обратило внимание на массовый уход китайских кули на работы в Россию. Произошло это по ряду причин. С одной стороны, отправка рабочих фирмой Дризина для камен-

ноугольных копей С. С. Абамелек-Лазарева была признана неудачной, поскольку там среди китайцев вспыхнули беспорядки, в результате которых были убиты китайский штейгер и переводчик. Более того, зачинщиков стихийной разборки, администрация пермского губернатора была вынуждена выслать за пределы России. С другой — германская миссия в Пекине выразила Бэйянскому правительству протест по случаю отправки рабочих в Россию. Осложнил ситуацию и тот факт, что власти Китая потребовали выработать стандартный договор найма, который должен был утверждаться не только даотаем, но и верховной властью в лице МИД Китая (Вай-дзяо-бу). Одновременно было выдвинуто требование запрета на использование китайских кули в военных целях. В целом на начальном этапе власти Китая сдержанно относились к возникшей проблеме. Так, в сентябре 1915 г. в записке Вай-дзяо-бу на имя российского посланника в Пекине отмечалось, что «ввиду испытываемой ныне российским правительством весьма сильной нужды в китайских рабочих, а также принимая во внимание дружественные отношения между двумя государствами, китайское правительство, конечно, готово оказать в этом отношении чрезвычайную поддержку».¹³

С конца 1915 — начала 1916 г. дипломатические учреждения России в Харбине и Пекине стали постепенно отходить от роли пассивных наблюдателей и исполнителей стандартных консульских формальностей, связанных с визированием паспортов, и в итоге превратились в деятельных и значимых участников процесса «государственной важности», как отмечалось в официальных документах. Период времени до конца третьего года войны является вторым и, пожалуй, самым важным и проблемным этапом в вербовке китайцев, когда в Россию приехало рекордное число неквалифицированных и практически неграмотных рабочих. При этом наибольшее количество приезжих было зафиксировано в весенне-летний период, однако с августа наблюдалось резкое снижение потока, и уже осенью падение общей численности иммигрантов по сравнению с последним летним месяцем составило 2,5 раза. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что прибытие на места работ приходилось бы на зимние месяцы.

Ранней весной 1916 г. консулы зафиксировали большой наплыв в Северо-Восточный Китай представителей различных организаций и

¹⁰ Это Чермозские заводы С. С. Абамелек-Лазарева, Общество Верх-Исетских горных и механических заводов, Общество Кыштымских горных заводов, Шайтанский завод, Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов, заводы Камского акционерного общества.

¹¹ Для заведений С. С. Абамелек-Лазарева Д. Е. Дризин подписал контракты на доставку 8 тыс. рабочих (отправлено 4 тыс.), для Общества Верх-Исетских заводов — на 4 тыс. углекопов и лесорубов (отправлено 1 тыс.). Безпяттов нанял 113 чел., а К. С. Семенов планировал завербовать 1 218 чел., подавляющая часть которых являлась неквалифицированными рабочими (АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 28, 42об., 43).

¹² См.: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 21, 31, 41–43об., 61.

¹³ Там же. Л. 63, 67об.; Д. 1060. Л. 44; Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 105–107.

Таблица

Динамика притока в Россию рабочей силы из Китая по КВЖД в 1916–1917 гг., чел.

1916 г.		1917 г.	
01.01–30.06	22 088	01.01–31.01	1 837
01.07–31.07	15 121	01.02–28.02	2 430
01.08–31.08	6 533	01.03–11.03	2 074
01.09–30.09	2 981	12.03–12.04	4 007
01.10–31.10	2 244		
01.11–30.11	2 395		
01.12–31.12	1 559		
Итого	52 921	Итого	10 348
Всего за 1916–1917 гг.: 63 269			

Источник: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1060. Л. 319 об., 366.

коммерческих учреждений, остро нуждавшихся в дополнительной рабочей силе. В силу этого летом 1916 г. возникла очень напряженная ситуация, связанная с борьбой за кули и конкуренцией между агентами, что в конце концов привело к росту цен на рабочие руки (см. табл.). Обстановка резко обострилась уже в мае, что засвидетельствовал В. В. Траутшольд в своем донесении на имя начальника 4-го Политического (Дальневосточного) отдела МИД Г. А. Козакова. Осложнения возникли, как отмечал генконсул, по вине самих нанимателей, «коих понаехало очень много и которые все нервничают, между собою конкурируют, интригуют, желают действовать каждый по-своему и своим неосторожным поведением часто вредят себе и другим».¹⁴

В целях сохранения добрососедских отношений особое внимание российский дипломат уделял личностным качествам агентов и их манере общения с местными даотаями, несшими ответственность не только за вербовку рабочей силы, но и за достойные условия содержания на чужбине своих соотечественников, согласно заключенному договору. Агенты и, главное, их методы работы стали уязвимым звеном во всей процедуре. Большая часть из них, не зная обычаев и нравов народа, действовала грубо и напролом. Вместе с тем были и такие представители, которые завоевали признание со стороны китайских властей благодаря своей безупречной репутации. Таким был Е. В. Даниэль, до этого прослуживший 18 лет на КВЖД, из которых 12 лет в должности уполномоченного Управляющего дорогой по сношению с китайскими властями.¹⁵ Несмотря на колоссальный опыт, он допустил ряд промахов, действуя от

имени ВПК и по поручению Полевого строительного управления в трех провинциях Китая: Гириин, Чжили и Шаньдун. Вай-дзяо-бу не разрешил Даниэлю единолично вербовать рабочих в названных провинциях. Полной противоположностью ему был агент Мурманской железной дороги М. В. Черниковский, который увел с чужими паспортами большую партию рабочих, набранных Д. Е. Дризиным и предназначавшихся для Лысьвенского горного округа. При этом, как отмечал генконсул в Харбине, представитель Мурманской дороги особенно не церемонился с местным населением и не думал о том, что находится в иностранном государстве. Более того, и посланник России в Пекине Н. А. Кудашев неодобрительно отзывался о нем: «О Черниковском по его деятельности в Харбине имеются неблагоприятные сведения». Но в целом сообщения о ненадлежащем поведении российских вербовщиков, впервые прибывших в Китай, нечасто встречаются в донесениях Траутшольда, датированных 1915–1916 гг.¹⁶

В 1916 г. изменилось отношение местных властей и Бэйянского правительства к массовому отъезду китайских разнорабочих в Российскую империю вследствие, с одной стороны, давления дипломатических представителей Германии, а с другой — по причине несоблюдения условий договора по содержанию рабочих некоторыми российскими нанимателями. Этот факт констатировал Н. А. Кудашев в своем письме от 28 сентября 1916 г. на имя министра иностранных дел Б. В. Штюрмера. Он писал, что нашими предпринимателями были допущены в отношении китайских рабочих злоупотребления, «о которых открыто говорилось в русской печати и о которых исправно доносил в Пекин китайский посланник в Петрограде».

¹⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 107.

¹⁵ См.: Ерофеева Г. И. Семья Даниэль на службе Китайско-Восточной железной дороги. Материалы к биографии // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-06.pdf> (дата обращения 02.04.2025).

¹⁶ См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 109, 144–146; Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 1950б., 1960б., 256.

Ссылаясь на донесение Траутшольда, Кудашев отмечал, что жалобы на притеснения кули в России «имеют известные основания».¹⁷

Ярым и последовательным противником вербовки кули российскими предприятиями являлся китайский посланник в Петрограде Лю-Цзиньжень, которому приходилось решать непростую задачу устройства сбежавших с работ соотечественников, перенаправленных Департаментом полиции в распоряжение посольства для решения их дальнейшей судьбы. Более того, он, по сообщению Траутшольда, представил Вай-цзяо-бу секретный доклад, в котором утверждал (вторя точке зрения германской разведки), что китайские рабочие якобы использовались для военных нужд, а это являлось прямым нарушением нейтралитета Китая. Вдобавок посланник направил с инспекцией на Кизеловские копи князя С. С. Абамелек-Лазарева родственника харбинского даотая, студента Ли Ю-таня, который вместо того, чтобы разобраться в ситуации и помочь заводууправлению устранить возникшие проблемы, стал проводить беседы, далекие от цели своей командировки, чем спровоцировал недовольство в рабочей среде. Однако не все представители власти Китая поддерживали Лю-Цзиньжэня. Как писал Траутшольд летом 1916 г. Г. А. Козакову, «судя по намекам местных даотаев», они единодушно «осуждали образ действий» посланника в Петрограде.¹⁸ Подобное отношение к принципиальной позиции Лю-Цзиньжэня представителей власти в китайских провинциях не в последнюю очередь объяснялось рядом скрытых причин, о которых сами китайцы умалчивали. Дело в том, что они, как отмечалось в материалах межведомственного совещания 27 сентября 1916 г., рассматривавшего правила найма и перевозки, были заинтересованы в отправке в Россию значительного числа малообеспеченных людей, которые остро нуждались в работе и в получении сносного вознаграждения, но не могли найти такового у себя дома.¹⁹ Таким образом в известной степени снижалась социальная напряженность внутри страны.

На международном аспекте и проблеме нейтралитета Китайской республики в годы Первой мировой войны необходимо остановиться особо. Нейтралитет был объявлен с начала масштабного конфликта на европейском кон-

тиненте. Россия находилась в дружественных отношениях с Китаем с момента провозглашения республики в 1912 г. и была заинтересована в соблюдении сложившегося статус-кво. Ситуация усложнилась тем, что Япония, которая встала на сторону Антанты, оккупировала арендованный Германией Циндао. Надо отметить, что в определенной части китайской элиты и общества сохранились германофильские настроения, которые весьма умело были использованы военным противником России на территории нейтрального государства, когда наши власти озаботились проблемой найма китайских рабочих. По регулярным сообщениям Траутшольда, германская миссия, начиная с весны 1915 г., постоянно распускала слухи о тяжелом положении китайцев в России и их принудительном использовании в военных целях, распространение которых заметно усилилось в 1916 г. Немецкое посольство, используя свое влияние, а нередко и финансовые средства, через местные газеты и своих агентов неустанно доводило недостоверную информацию до китайского общества с тем, чтобы настроить население против русских.²⁰

Не обошлось дело без шпионажа со стороны Германии. Этой проблемой в большой степени было озабочено МВД, чем МИД, которое не только не располагало данными, но особо и не верило в то, что неграмотные китайские кули, не знавшие ни одного европейского языка, смогли бы заниматься диверсионной деятельностью. Тем не менее, как сообщал в декабре 1915 г. министр А. Н. Хвостов председателю Совмина И. Л. Горемыкину, при германском консульстве в Шанхае было учреждено так называемое бюро по шпионажу. По поручению правительства глава подразделения занимался вербовкой лиц, которые отправлялись им в Маньчжурию «с целью порчи сооружений и мостов КВЖД, по коей следуют наши военные грузы». Продолжая отстаивать свою позицию, министр внутренних дел писал об эффективности германской пропаганды, связанной с распространением слухов о якобы «выгодах участия в ведении германского шпионажа» против России, заманивая простодушных людей поступлением «на службу по тайной разведке и ведению агитации». Точку зрения Хвостова разделял приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, который считал, что среди китайцев всегда найдутся лица, способные совершить поджог,

¹⁷ Там же. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 91, 258, 297; Д. 1060. Л. 60.

¹⁸ Там же. Д. 1059. Л. 195, 195об., 307об.; Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 107, 108, 109, 111.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1060. Л. 78об.

²⁰ См.: Там же. Д. 1059. Л. 237, 252об., 284; Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 295.

будучи подкупленными. Он был уверен, что работавшие на приисках Приморского края тайно переправляли «за границу в руки наших врагов до трех четвертей добываемого ими золота».²¹

На стороне МИД оказались предприниматели Приамурья. Так, в аналитической записке Финансово-экономической комиссии Комитета по золотопромышленным делам, посвященной анализу состояния горнодобывающей промышленности края в годы войны и перспективам использования труда китайцев, в частности, приводилось мнение Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников. Представители торгово-промышленного класса считали, что «выставляемое местными администраторами соображение об опасности китайцев в качестве шпионов, едва ли оправдывается действительностью». К тому же они обратили внимание на тот факт, что военное ведомство в 1916 г. уже не придавало большого значения «китайскому шпионажу».²² К этому следует добавить, что во внутриведомственной переписке МИД за 1915–1916 гг. ни разу не приводились примеры актов диверсии, речь в основном шла о разжигании русофобских настроений среди местного населения со стороны немцев и их агентуры.

Как бы то ни было, Германия в своей враждебной антироссийской пропаганде на территории Китая оказалась весьма изобретательна. Немецкие агенты использовали не только прессу, но прибегали и к более изощренным формам, подменив, например, рекламу табачных изделий агрессивными по своему характеру прокламациями. В сентябре 1916 г. Траутшольд в письме в 4-й политотдел МИД сообщал о том, что в портовом городе Северного Китая Тяньзине немцы устроили грубую и наглую выходку. Они стали снабжать местное население «дешевыми папиросами с изображением печальной участи, ждущей китайских рабочих в России». Описывая «разные способы пыток и гибели», листовки призваны были убедить неграмотных и легковверных людей в том, «что рабочие идут на верную смерть и никому из едущих в Россию больше уже не видать своей семьи и родного края».²³ Это был единичный случай, но из ряда вон выходящий и весьма показательный.

Примечателен и другой способ действий, который использовали дипломаты Германии в Китае в борьбе с набором в Россию временных трудовых иммигрантов. По сообщению генкон-

сула в Мукдене С. А. Колоколова от 13 июня 1916 г., глава немецкого консульства Гуго Витте вербовал китайцев для того, чтобы они вели агитацию в местах рекрутинга разнорабочих. В Мукдене и Чанчуне распускались ложные слухи о том, что китайцы «нанимаются русскими отнюдь не для различных промышленных предприятий, а в качестве обозных кули для частей действующей армии». Более того, в роли «таковых они направляются к фронту на театры военных действий». Как наставлял Витте своих подопечных, которые должны были ретранслировать дезинформацию, немецкими войсками только за два месяца было взято в плен свыше 5 тыс. китайских кули.²⁴ Все это делалось не только для того, чтобы посеять панику, но и с целью сорвать процесс вербовки трудовой силы. Германия такими действиями хоть и создавала определенные трудности, но, как показывают факты (см. табл.), своей цели не достигла. Только за восемь месяцев 1916 г. в Россию было отправлено 43 742 чел. Антивербовочная агитация немцев не задалась и в отношении Британии, которая сумела, вопреки официальным протестам, отправить в 1916 г. 30 тыс. китайцев на работы в Туманный Альбион.²⁵

О том, что планы противника не удалась, косвенно свидетельствует и такой любопытный факт. В конце 1916 г. на станции Пограничная КВЖД (провинция Гири) была обнаружена подпольная фабрика, которая занималась изготовлением поддельных китайских паспортов с подложной консульской визой и печатями для перехода границы. Мошенники располагали большим пакетом фальшивых бланков, мастерски выполненными штемпелями и печатями, что позволяло им основательно вести дело.²⁶

В Харбине существовала лишь одна российская газета, издававшаяся Управлением КВЖД на китайском языке, — «Юань Дун Бао», которая выходила с 1906 г. Начиная с 1915 г. она стала играть важную роль в борьбе с немецкой дезинформацией. Редакция уделяла особое внимание вопросу привлечения на сторону России китайского общественного мнения. По поводу постоянно распространяемых немцами фальшивых сведений она писала, что «никогда не занимается травлей и никогда не печатает на страницах своей газеты ложных и нелепых слухов». «Юань Дун Бао» давала разъяснения по поводу клеветы противника, а также с помощью

²¹ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 40, 67об., 68–69об.

²² Там же. Л. 182об.–183.

²³ Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 222.

²⁴ См.: Там же. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 220–220об.

²⁵ См.: Там же. Д. 1060. Л. 254.

²⁶ См.: Там же. Л. 235; Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 250.

достоверных сведений опровергала злонамеренные вымыслы.²⁷

Возвращаясь к проблеме соблюдения Китаем нейтралитета, подчеркнем, что данный вопрос всегда находился в центре повышенного внимания дипломатической службы России в связи с вопросом набора рабочих. Бэйянское правительство неоднократно предъявляло русским требование утвердить договоры найма не только местными властями, но и центральной властью. Германия, которая слишком вольно интерпретировала смысл нейтралитета третьих стран в период вооруженных конфликтов, постоянно выражала протесты Китаю. В своем давлении на Пекин Германия настаивала на том, что одобрение контрактов — это не что иное, как нарушение данного принципа. В конце концов опасения санкций приводили китайские власти либо к отказу визировать, либо к длительной задержке оформления документов на отправку кули рабочих. Российские дипломаты с подобной трактовкой были категорически не согласны, но тем не менее настаивали на том, чтобы в процессе вербовки рабочей силы не просматривалась ни заинтересованность, ни вовлеченность государственных органов.²⁸ К тому же это создавало нежелательные трения в отношениях России и Китая.

Находясь в центре событий как участники процесса и обладая способностью видеть детали и их обобщать, российские дипломаты сумели точно определить все, что мешало более или менее нормальному и спокойному ходу найма работников. В итоге МИД в лице посланника и консулов выработали свои предложения по устранению выявленных недостатков. Они сводились к следующему: 1) отказаться от типового договора; 2) обязать агентов производить набор не самостоятельно, а в тесном взаимодействии с консульской службой и строго следовать ее указаниям; 3) сохранить порядок найма через китайского подрядчика и вести его частным образом; 4) заменить китайские национальные паспорта особыми свидетельствами на въезд, выдаваемыми российскими консульствами; 5) сосредоточить дело в Харбине; 6) исключить вмешательство государственных органов.²⁹

Идею, высказанную 4 июня 1916 г. министром финансов П. Л. Барком в письме Б. В. Штюрье-

ру, о сосредоточении всего дела в руках Управления КВЖД, поддержало иностранное ведомство. В секретной телеграмме Г. А. Козакова Н. А. Кудашеву раскрывались преимущества объединения процесса вербовки под эгидой КВЖД: это не создавало монополии Управления, но обеспечивало бы значительные льготы партиям рабочих, завербованных при его посредстве. Окончательно данное решение было утверждено 27 сентября 1916 г. В итоге дипломаты предложили такую схему действий, которая внешне выглядела бы максимально нейтральной и не наносила бы ущерба двусторонним отношениям. Отметим, что советы МИД практически полностью были учтены в узаконении Совмина. Более того, постановлением «О мерах к усилению притока рабочих» от 23 ноября / 20 декабря вносились дополнения, призванные максимально упростить въезд временных мигрантов из Азии.³⁰ Словом, консульская служба была хоть и малозаметным, но все же незаменимым звеном в организации найма.

Несмотря на принятые меры, к концу 1916 г. приток китайцев практически иссяк. По мнению правительства, главной причиной этого стали случаи недобросовестного содержания рабочих на некоторых предприятиях Российской империи и протесты Пекина по данному поводу. В этом были повинны не только российские работодатели, но и китайские переводчики и старшины, которые нередко безжалостно обманывали своих соотечественников. О проблеме социально-экономического свойства российское правительство знало из уведомлений дипломатов и в конце концов предприняло ряд действий к ликвидации недостатков, грозивших серьезно осложнить двусторонние отношения. В ноябре 1916 г. при правлении Общества КВЖД было образовано межведомственное совещание, которое обсудило проблему и наметило меры для устранения тяжелых условий, в которых оказались китайские рабочие. В число нарушителей попали Полевое строительное управление, Кизеловские копи, Северная и Мурманская железные дороги и др. Совещание обязало ответственные государственные структуры принудить подведомственные им учреждения, предприятия и лица обеспечить китайским рабочим «добропорядочное обращение», «исправное удовлетворение жизненных потребностей» и соблюдение «денежных

²⁷ См.: Там же. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 46–58.

²⁸ См.: Там же. Д. 1059. Л. 195, 297об.; Оп. 487. Д. 1060. Л. 60об.; Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 111.

²⁹ См.: Там же. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 282, 289, 298, 298об.; Д. 1060. Л. 60об., 61.

³⁰ См.: Там же. Д. 1059. Л. 193, 293; Д. 1060. Л. 68; Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 300; Особые журналы Совета министров. 1916 г. С. 602.

условий» заключенных с ними контрактов. На ноябрьском совещании был представлен список из 23 компаний, нуждавшихся в трудовых ресурсах, из которых 17 впервые подали заявки. В общей сложности было запрошено 29 405 чел., причем почти 67 % выписывалось для 10 строящихся или проектируемых железных дорог.³¹

Подводя итог второму этапу, приведем некоторые данные по распределению рабочей силы по отраслям экономики на 11 марта 1917 г. Десять железных дорог поглотили 34,7 % всех привлеченных рабочих, лесозаготовки Полевого строительного управления для организации железнодорожных работ при Главном управлении военных сообщений — 28,7 %, горнорудная промышленность — 13 %. При этом Мурманская и Московско-Виндаво-Рыбинская железные дороги завербовали основную массу кули, а среди горных промыслов — Богословский горный округ.³²

С принятием новых условий найма и транспортировки рабочей силы начинается последний этап — 1917 г. Он характеризуется резким падением численности кули, отправленных на работу в Россию. Если за первые восемь месяцев 1916 г. прибыло 43 742 чел., то за этот же период времени 1917 г. — 14 200 чел., то есть в три раза меньше. При этом большая часть рабочих въехала в страну в январе — первой половине апреля, что составило 10 348 чел. В последующие месяцы до начала сентября по КВЖД было доставлено еще 3 852 чел.³³ Это объясняется тем, что с приходом к власти Временного правительства стали лавинообразно нарастать негативные тенденции в народном хозяйстве, вызванные затяжной войной, с которыми новая власть не сумела справиться. С таким трудом налаженный механизм вербовки рабочей силы с развалом экономики пришел в негодность.

В целом за 1915–1917 гг. в Россию на работы приехало по КВЖД не менее 72 тыс. неквалифицированных кадров, тогда как заявленная потребность исчислялась в 150–200 тыс. чел. в год. Однако необходимо учитывать, что Сибирская дорога перевозила военные грузы, которые шли в приоритетном порядке, и ее пропускная способность составляла 3 000 чел. в месяц при самых благоприятных обстоя-

тельствах.³⁴ В полной мере оценить экономическое значение проделанной государственными органами, организациями и частными лицами работы позволяет нижеследующий ряд цифровых данных. Для наглядности приведем отрасли, предприятия которых подали заявки на набор разнорабочих в Китае.

В 1913 г. общее количество рабочих во всех отраслях промышленности и сельском хозяйстве составило более 18,2 млн чел. При этом на каменноугольных предприятиях числилось около 224,5 тыс., в металлургической промышленности — 601,6 тыс., на железорудных предприятиях — 49,5 тыс., на железнодорожном транспорте — 652,4 тыс. чел. Строительные рабочие насчитывали 1,5 млн чел., а лесное дело, чернорабочие в строительстве, транспорте и торговле — 2 млн чел.³⁵

Из приведенных данных следует, что завезенная из Китая рабочая сила не могла оказать существенного влияния на устранение кризиса кадров. На проблему имеет смысл взглянуть с другой стороны: какое место занимали китайские кули в структуре трудовых ресурсов отдельных компаний. В качестве примера возьмем два заведения, вошедшие в список восьми предприятий, затребовавших наибольшее число иностранных рабочих.

При сооружении Мурманской железной дороги (за 1915–1916 гг.) в структуру рабочей силы вошли: 60–80 тыс. чел. из Европейской России, до 35 тыс. военнопленных, около 7 тыс. финнов, 2 тыс. киргизов, до 508 канадцев и 9 133 китайцев, а общая численность составила около 138 тыс. чел.³⁶ Что касается Богословского горного округа, то ситуация была следующей. При численности рабочих в 34,4 тыс. военнопленных насчитывалось 15,6 тыс., или 45,3 % (на 1 октября 1916 г.), через год — 15,4 тыс. Из них в лесничествах — 5 856 чел., на четырех заводах — 5 450 чел., на рудниках и каменоломне — 2 812 чел., на угольных коях — 791 чел. На 11 марта 1916 г. китайцев значилось

³⁴ См.: Там же. Л. 82, 138об.

³⁵ См.: Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.). М., 1994. С. 475, 480; Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 223; Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв. Тематический электронный ресурс. URL: https://hist.msu.ru/Dynamics/data/07_012.xls (дата обращения 02.04.2025).

³⁶ См.: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1060. Л. 319; Ф. 158. Оп. 452. Д. 296. Л. 133, 149, 165об., 172; Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг., 1916. С. 60–71; История железнодорожного транспорта России. СПб.; М., 1994. Т. 1. С. 201.

³¹ См.: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1060. Л. 181, 182об., 183об., 313, 322–323, 382.

³² Подсчитано по: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1060. Л. 319.

³³ Подсчитано по: Там же. Л. 319об., 366; Ходяков М. В., Чжао Ч. Указ. соч. С. 24.

2542 чел.³⁷ Как видно, в названных фирмах, хоть они и привлекли значительное число кули, их доля не являлась критической. Другая ситуация оказалась с использованием труда военнопленных, величина которых в Богословском горном округе составила чуть не половину от всего количества. Менее напряженная ситуация сложилась при строительстве Мурманской железной дороги.

Однако это не означает, что российская промышленность в годы Первой мировой войны не нуждалась в рабочих руках из Китая. Золотодобыча на Дальнем Востоке — весьма проблемная отрасль с точки зрения модернизации производства и увеличения производительности труда — с момента своего зарождения постоянно использовала ручной труд китайцев. До начала войны их доля в общей численности рабочих в четырех горных округах Приамурского края колебалась от 80,5 до 87%. В последующие годы ситуация не изменилась: на золотых приисках в 1914–1916 гг.

китайские работники продолжали составлять более 80 % от всех занятых.³⁸ Для отрасли это означало технологическую отсталость и консервацию устаревших способов добычи золота.

Таким образом, железнодорожное строительство в годы войны больше всех других сфер нуждалось в привлечении неквалифицированной рабочей силы, использовавшейся на лесозаготовках и земляных работах. Экономический эффект от применения труда китайцев был незначительным как для народного хозяйства России в целом, так и для конкретных отраслей и предприятий, за исключением золотопромышленности Дальнего Востока. В итоге завербованные в Китае кули только снизили остроту проблемы. Подытоживая, отметим, что именно материалы АВПРИ показывают, что в корректировке правовых норм в соответствии с текущими реалиями, а также в организации найма большую роль сыграли МИД России и его консульская служба в Северо-Восточном Китае.

Irina V. Potkina

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: potka@inbox.ru

CHINESE LABOR IN RUSSIAN ENTERPRISES DURING WORLD WAR I: GOVERNMENT AND ENTREPRENEURS (AN INTERNATIONAL CONTEXT)

The article examines such under-researched aspects of Chinese temporary labor immigration during World War I as international and diplomatic. The 1915–1917 consular reports deposited in the files of the 4th Political (Far Eastern) Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, along with intra- and inter-departmental correspondence regarding recruitment of unskilled workers from China for Russian enterprises formed the main source of information for this study. The article shows how the main tasks of Russian diplomats have changed at various stages of recruiting coolies, and their role in adapting current legislation. Germany's constant anti-Russian propaganda campaign, which tried at all costs to disrupt the process of hiring, became its indispensable attribute. On the base of selected statistical data, the share of Chinese labor immigrants in the country's structure of workforce and certain enterprises was estimated. The author concludes that unskilled labor was most needed by railway construction for using in logging and earthworks. The economic impact of employing Chinese workers was negligible for both the Russian national economy as a whole and specific industries and companies, with the exception of the gold mining industry in the Far East. As a result, the workers recruited in China only helped to reduce the severity of the problem without solving it.

Keywords: *World War I, Russian Consular Service, KVZhD, Chinese government, Germany's information campaign, industrial enterprises, railways, Chinese labor*

REFERENCES

Datsyshen V. G. [Chinese Labor in the Urals during the First World War]. *Ural'skoye vostokovedeniye* [Ural Survey of Oriental Studies]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 2007, iss. 2, pp. 49–58. (in Russ.).

³⁷ См.: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1060. Л. 319; Суржикова Н. В. Военнопленные в Богословском горном округе: контакты, конфликты, конвенции // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 112, 113.

³⁸ См.: АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1059. Л. 182; Маркова Н. А. Состояние золотопромышленности накануне и в годы Первой мировой войны: дискуссии по вопросам выхода ее из кризиса // Власть и управление на востоке России. 2007. № 2 (39). С. 72, 73.

Erofeeva G. I. [Daniel's Family is in the Service of the Chinese Eastern Railway. Materials for the Biography]. *Istoricheskiy kur'yer* [Historical Courier], 2023, no. 3 (29), pp. 80–94. Available at: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-06.pdf> (accessed: 30.06.2025). (in Russ.).

Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii. [The History of Railway Transport in Russia]. Moscow; Saint Petersburg: Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya Publ., 1994, vol. 1. (in Russ.).

Izakson R. A. [Emergency Legislation in World War I and the Russian Migration Policy on the Territories of Eastern Siberia and the Russian Far East]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2016, no. 2, pp. 121–130. (in Russ.).

Izakson R. A. *Deyatel'nost' rossiyskikh vlastey po preodoleniyu krizisa s trudovymi resursami v gody Pervoy mirovoy voyny: na primere Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka: kand. diss.* [The Russian Authorities' Activities in Overcoming Labor Crisis during the First World War: The Case of Eastern Siberia and the Far East: Diss. Cand.]. Irkutsk, 2018. (in Russ.).

Kafengauz L. B. *Evolutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX v — 30-ye gg. XX v.* [The Evolution of Industrial Production in Russia (Last Third of the 19th Century — 1930s)]. Moscow: Epifaniya Publ., 1994. (in Russ.).

Khodyakov M. V., Zhao Ch. [Chinese Labor Migration to Russia during the First World War]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2017, no. 1, pp. 7–30. (in Russ.).

Larin A. G. *Kitayskiye migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese Migrants in Russia. History and Modernity]. Moscow: Vostochnaya kniga Publ., 2009. (in Russ.).

Markova N. A. [The State of the Gold Industry before and during the First World War: Discussions Regarding Its Recovery from the Crisis]. *Vlast' i upravleniye na vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2007, no. 2 (39), pp. 67–75. (in Russ.).

Rukosuev E. Yu., Shumkin G. N. [Conditions of Work and Life of Chinese Workers on Urals in the Years of the First World War]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Herald of Humanitarian Education], 2020, no. 1 (17), pp. 7–21. (in Russ.).

Surzhikova N. V. [Bogoslovsk Mining District Prisoners of War: Contacts, Conflicts, Convention]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2012, no. 1 (99), pp. 123–129. (in Russ.).

Zmeeva O. V. [Migrant Workers at Murmanstroyka: Reflections of an Anthropologist on the Number of Chinese]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Yestestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities], 2024, vol. 3, no. 2, pp. 30–35. DOI:10.37614/2949-1185.2024.3.2.003 (in Russ.).

Для цитирования: Поткина И. В. Китайские рабочие на предприятиях России в годы Первой мировой войны: власть и предприниматели (международный контекст) // Уральский исторический вестник. 2025. № 3 (88). С. 73–82. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-73-82.

For citation: Potkina I. V. Chinese Labor in Russian Enterprises during World War I: Government and Entrepreneurs (an International Context) // Ural Historical Journal, 2025, no. 3(88), pp. 73–82. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-73-82.